

**О НЕКОТОРЫХ
ТИПОЛОГИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЯХ
ГРАММАТИЧЕСКОГО
СТРОЯ ТАДЖИКСКОГО И
УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ**

**ОИДИ БАЪЗЕ
ХУСУСИЯТҲОИ
ТИПОЛОГИИ СОҲТИ
ГРАММАТИКИИ
ЗАБОНҲОИ ТОЧИКӢ ВА
УЗБЕКӢ**

**ON SOME TYPOLOGICAL
FEATURES OF
GRAMMATICAL SYSTEM OF
TAJIK AND UZBEK
LANGUAGES**

Шеронов Бойирбой Газибоевич, канд. филол. наук, доцент кафедры узбекского языка и методики преподавания ГОУ “ХГУ им. академика Б. Гафурова”; **Юлдашева Дилдора Уктамовна**, соискатель кафедры узбекского языка и методики преподавания ГОУ “ХГУ им. академика Б. Гафурова” (Худжанд, Таджикистан)

Шеронов Бойирбой Ғозибоевич, н.и.ф., дотсенти кафедраи забони ўзбекӣ ва методикаи таълими МДТ “ДДХ ба номи академик Б. Гафуров”; **Юлдашева Дилдора Уктамовна**, унвонҷӯи кафедраи забони ўзбекӣ ва методикаи таълими МДТ “ДДХ ба номи академик Б. Гафуров” (Хуҷанд, Тоҷикистон)

Sheronov Boyirboy Gaziboevich, candidate of Philology, associate professor of Uzbek language and its method of teaching department under the SEI “KhSU named after academician B.Gafurov”; **Uldasheva Dildora Uktamovna**, applicant of Uzbek language and its method of teaching department under the SEI “KhSU named after academician B.Gafurov”(Khujand, Tajikistan)
e-mail: boirjon.sheronov.68@mail.ru

Исследовано соотношение грамматического строя таджикского и узбекского языков. Подчеркивается, что под влиянием таджикского языка в узбекском языке образовалась система моделей (структурных схем) сложных предложений, в которых важными являются союзы и союзные слова, заимствованные из персидского и арабского языков, которые функционируют как постоянные элементы моделей (структурных схем) сложных предложений узбекского языка. Отмечено, что союзы таджикско-персидского происхождения в узбекском языке образуют модели сложных предложений паратаксического и гипотаксического характера, функционируя как их постоянные элементы, и делятся на сочинительные и подчинительные. С помощью сочинительных союзов образуются модели конструкций сложных предложений паратаксического характера, с помощью подчинительных – модели конструкций сложных предложений гипотаксического характера. Характерность заключается в том, что в обоих языках употребляются союзы, имеющие и арабское, и чисто иранское происхождение: ё - «или», ё ки - «или», «или-или», хох - «хоть», «пусть»; хам - «и», аммо - «но», «а»; лекин - «однако»; ки - «который», чунки - «потому что»; то ки - «чтобы», гӯё - «будто»; агар - «если»; гар - «если» и др.

Ключевые слова: таджикский язык, узбекский язык, сопоставление, грамматический строй, система моделей (структурных схем), сложные предложения

Таносуби соҳти грамматикии забонҳои тоҷикиву ўзбекӣ мавриди таҳқиқ қарор гирифтааст. Таъкид гардидааст, ки зери таъсири забони тоҷикӣ дар забони ўзбекӣ низоми моделҳои (схемаи сохториш) ҷумлаҳои мураккаб ташаккул ёфтааст, ки дар он пайвандакҳо ва калима-пайвандакҳои аз забони форсии арабӣ иқтибосшуда, ки дар забони ўзбекӣ чун унсурҳои доими моделҳои (схемаҳои сохториш) ҷумлаҳои мураккаб амал менамоянд, аҳаммият доранд. Зикр гардидааст, ки пайвандакҳои иқтибосшудаи забони тоҷикӣ-форсӣ

дар забони ўзбекӣ моделҳои ҷумлаҳои мураккаби хусусияти паратаксисӣ ва гипотаксисӣ дошта ҳосил мекунанд ва дар онҳо ҳамчун унсурҳои доимӣ амал намуда, ба пайваस्तкунанда ва тобеъкунанда ҷудо мешаванд. Бо ёрии пайвандакҳои пайваस्तкунанда модели конструкцияҳои ҷумлаҳои паратаксикӣ, бо ёрии пайвандакҳои тобеъкунанда моделҳои конструкцияҳои ҷумлаҳои мураккаби гипотаксикӣ ҳосил мешавад. Хусусият дар он зоҳир мегардад, ки ҳам пайвандакҳои арабӣ ва ҳам пайвандакҳои соф форсии иқтибосишудаи ё, ё ки, хоҳ, ҳам, аммо, вале, лекин, чунки, то ки, гӯё ва ғайра истифода мешаванд.

Калидвожаҳо: забони тоҷикӣ, забони ўзбекӣ, муқоиса, сохти грамматикӣ, низоми моделҳо (схемаи сохторӣ,) ҷумлаҳои мураккаб

The article examines the relationship between the grammatical structure of the Tajik and Uzbek languages, it is emphasized that under the influence of the Tajik language, a system of models (structural schemes) of complex sentences was formed in the Uzbek language, in which conjunctions and union words are important, borrowed from Persian and Arabic languages, which function as permanent elements of models (structural schemes) of complex sentences of the Uzbek language. Conjunctions of Tajik-Persian origin in the Uzbek language form models of complex sentences of paratactic and hypotactic nature, functioning as their constant elements, and are divided into coordinating and subordinating. With the help of coordinating conjunctions, models of constructions of complex sentences of a paratactic nature are formed, with the help of subordinate conjunctions, models of constructions of complex sentences of a hypotactic nature are formed. The characteristic feature is that both languages use conjunctions that have both Arabic and purely Iranian origins: yo- "or", yoki - "or", "either-or", khokh - "even though", "let"; ham - "and", ammo - "but", "a"; lekin - "however"; ki - "which", chunki - "because"; to ki - "so that", guyo - "as if"; agar - "if"; gar - "if"

Key-words: *Tajik language, Uzbek language, comparison, grammatical system, system of models (structural schemes), complex sentences*

После возрождения дипломатических отношений усилиями глав государств Таджикистана и Узбекистана был открыт новый путь для всестороннего развития и укрепления дружбы между нашими народами для обеспечения мира, стабильности и безопасности в Центральной Азии. Были намечены перспективы для активизации культурно-гуманитарного сотрудничества между нашими республиками, одной из которых является развитие туризма как неотъемлемой части экономического развития. Развитие туризма невозможно без экскурсоводов, владеющих иностранными языками. Владение языками играет значимую роль в познании мировой литературы, культуры и искусства, в расширении мировоззрения молодого поколения, а также в сотрудничестве республики с зарубежными странами по различным направлениям.

Еще И. А. Бодуэн де Куртенэ особо подчеркнул, что можно сравнивать языки совершенно независимо от их родства, от всяких исторических связей между ними. Можно постоянно находить одинаковые свойства, одинаковые изменения, одинаковые исторические процессы и перерождения в языках, чуждых друг другу исторически и географически [1, с.23]. Но таджикский и узбекский языки являются широко распространенными языками Центральной Азии, и, хотя отличаются друг от друга происхождением и грамматическим строем, носители этих языков – таджики и узбеки – имеют древнюю многовековую историю, которая нашла отражение в их языках на разных уровнях, особенно в лексике. Совместная добрососедская жизнь таджикского и узбекского народов стала основой для взаимовлияния их языков, что характеризуется как один из внешних факторов развития и обогащения языков народов-соседей.

Восточноиранские народности являются составными этническими элементами всех народов Средней Азии, в том числе тюркоязычных, в частности узбеков и туркмен. Таджикский народ в процессе формирования собственной национальной общности из различных элементов, включая тюркские, в наибольшей степени вобрал и сохранил восточноиранский этнический элемент, следовательно, – и ираноязычную речь. Таджикский народ обладает богатой самобытной культурой и национальным языком, однако предки таджиков и персов были близки друг другу в этническом и в языковом плане [7, с. 32].

В. Г. Гак подтверждает, что «сопоставление и изучение языков, имеющее целью выявление сходства и различий между языками независимо от степени их родства и всегда выступавшее как лингвистическая основа обучения языку, в последние годы сблизилось с лингвистической типологией – отраслью общего языкознания, которое через сравнение языков стремится постичь наиболее общие черты, свойственные языкам (универсалии), и на их фоне выявить специфику данного языка» [5, с. 52].

Лингвистические особенности языка во многом зависят от типа и характера грамматического строя, к которому он относится. Грамматический строй является исторической категорией, он находится в постоянном движении и развитии и подчинён общим законам развития языка, отвечая своему историческому назначению [14, с. 114]. Постоянное движение и развитие грамматического строя имеет тесную связь с взаимоотношениями и взаимовлиянием языков разного типологического характера. При взаимовлиянии языков в области грамматического строя элементы одного языка функционируют в грамматическом строе другого в качестве заимствованных грамматических единиц. Появление элементов грамматического строя одного языка в грамматическом строе другого является результатом интерференции, которая имеет прямое отношение к языковым контактам представителей двух разносистемных языков.

Подобная связь между языками существует с древних времен, о её исторической почве речь шла выше. В данной статье мы попытались кратко рассмотреть соотношение грамматического строя узбекского и таджикского языков.

В сопоставительных исследованиях для оптимального получения необходимых результатов применяются логический, полевой и номинативный (денотативный) подходы. Для применения логического подхода при сопоставлении языков целесообразно заранее определить все возможные понятийные категории, т.е. «необходимо, прежде всего, выделить все содержательные функции грамматических форм и отделить в них идиоэтнические элементы от универсальных» [6; 8].

Термин «грамматический строй языка» употребляется в широком и узком понимании. В широком понимании под этим термином рассматриваются, кроме собственно грамматических явлений, явления морфемной и словообразовательной структуры слова.

Данная статья посвящена изучению функционирования отдельных союзных средств, заимствованных из таджикского языка, которые являются постоянным элементом структурной схемы (модели) сложных предложений узбекского языка. Модели, в которых союзы иноязычного происхождения выступают в качестве их постоянных элементов, относятся к заимствованиям синтаксического плана, т.е. к синтаксическим заимствованиям. При синтаксическом заимствовании учитываются не только отдельные конструкции предложений и словосочетаний, но и заимствования целых моделей [14, с.114].

Под моделью предложения понимается структурная схема высказываний, которая характеризуется отвлеченным синтаксическим образом, по которому строятся конкретные монопредикативные и полипредикативные предложения. При взаимовлиянии языков заимствуются не конкретные предложения, а их модели, т.е. структурные схемы.

Модель предложения состоит из двух разнохарактерных элементов: а) переменного элемента; б) постоянного элемента. Характер модели определяется в отношении её постоянного элемента, к которому относятся конstituанты структурной схемы предложения, т.е. их союзные средства. Номинативные единицы, в функции которых выступают лексические средства, являются переменными элементами синтаксической структуры предложения [3, с. 47-48].

Под влиянием таджикского языка в узбекском языке образовалась система моделей (структурных схем) сложных предложений, в которых важными являются союзы и союзные слова, заимствованные из персидского и арабского языков, которые функционируют как постоянные элементы моделей (структурных схем) сложных предложений узбекского языка. Следует отметить, что некоторые союзы и союзные слова арабского происхождения заимствованы узбекским языком через таджикско-персидский язык, поэтому подобные заимствованные союзные средства, употребляемые в узбекском языке, нами условно рассматриваются как таджикско-персидские.

Академик Б.Н. Ниязмухаммедов в одной из статей пишет, что, несмотря на то что узбекский и таджикский языки разносистемные, в синтаксисе их обоих часто употребляются одни и те же союзы, имеющие и арабское, и чисто иранское происхождение. К таким союзам относятся: ё - «или»; ёки - «или», «или-или»; хоҳ - «хоть», «пусть»; ҳам - «и»; аммо - «но», «а»; лекин - «однако»; ки - «который»; чунки - «потому что»; то ки - «чтобы»; гуё - «будто»; агар - «если»; гар - «если» и др. [9, с. 227].

Перечисленные союзы активно функционируют в синтаксической системе узбекского языка, хотя и относятся к морфологической системе как формально-грамматические средства категории служебных слов.

Союзы таджикско-персидского происхождения образуют в узбекском языке модели сложных паратаксических и гипотаксических предложений, функционируя как их постоянные элементы, и делятся на сочинительные и подчинительные. С помощью сочинительных союзов образуются модели конструкций сложных предложений паратаксического характера, с помощью подчинительных – модели конструкций сложных предложений гипотаксического характера, это отмечается во всех вузовских учебниках и в отдельных монографиях по синтаксису узбекского языка. Модели предложений и других явлений языка обычно передаются с помощью знаков символического характера, то есть символов.

Символы моделей (структурные схемы) конструкций сложных предложений паратаксического характера, в которых союзы таджикского или арабского происхождения функционируют в качестве постоянных элементов, представляются как:

Пр.ч.+ва + Пр.ч. (Предикативная часть + ва+ Предикативная часть);

Пр.ч.+ ҳам +Пр.ч., Пр.ч. +аммо + Пр.ч., Пр.ч.+ лекин + Пр.ч., Пр.ч. +ёки + Пр.ч., ё Пр.ч. +ё Пр.ч., хоҳ Пр.ч.+ хоҳ Пр.ч. и другие, с помощью которых реализуются бесчисленные конкретные предложения (высказывания) в узбекской речи [3, с. 127]. Благодаря характеру различий в символах моделей сложных предложений паратаксического типа представляется, что с использованием сочинительных союзов таджикского или арабского происхождения в узбекском языке образуются сложносочиненные предложения закрытой и открытой структуры.

Символы являются условными обозначениями, с помощью которых обеспечивается удобность и краткость моделей (структурных схем) сложных предложений независимо от их отношения к паратаксису или гипотаксису. В качестве примера можно привести сложные паратаксические предложения закрытой структуры: «Зардолухо рехта нобуд шуда марафтанду, аммо ў ғундошта намехушконид» (С.Айни) // Ўриқлар тўкилиб нобуд бўлиб

кетарди-ю, аммо ў йиғиб-териб курутмасди //Абрикосы падали и портились, но она не собирала и не сушила их», где соединительный союз «ва» является постоянным элементом данной модели сложного предложения. С помощью модели «ё Пр.ч.+ ё Пр.ч.» реализуется одна из разновидностей сложносочиненного предложения с открытой структурой, в качестве примера которого можно привести высказывания типа: Ё Гулнор унинг олдига келади, ва ё у Гулнорнинг олдига боради (С.Айни) //Ё Гулнор пеши он меояд ва ё ў пеши Гулнор меравад // Или Гулнор пойдет к нему, или он пойдет к Гулнор. С помощью союзов (и союзных слов) таджикского или арабского происхождения образуются сложные предложения гипотаксического характера и в узбекском, и в таджикском языках.

Синтаксическая полисемантическая паратаксиса является его важнейшим свойством, главной функцией; благодаря этой функции сложносочиненное предложение становится неотъемлемым компонентом синтаксического строя различных высокоразвитых индоевропейских литературных языков, в том числе современного таджикского языка. Полисемантическая паратаксиса проявляется в различных формах: одно из таких проявлений – парадигматические отношения с различными видами гипотаксиса.

Парадигматике сложноподчиненного предложения посвящено специальное выступление профессора Д.Т. Таджиева, эта же проблема более подробно разрешается в его статье, которая сыграла основополагающую роль в становлении традиционного метода исследования сложного предложения в таджикском языкознании.

Следующее сложносочиненное предложение – Бақочони мўзадўз рафту Фирўза танҳо монд. - Сапожник Бақоджон ушел, и Фируза осталась одна. // Бақожон этикдўз кетдию, Фируза ёлғиз қолди” - потенциально соответствует целому ряду сложноподчинённых предложений:

а) причина-следствие – Азбаски Бақожони мўзадўз рафт, Фирўза танҳо монд – Так как сапожник Бақоджон ушел, Фируза осталось одна// Бақожон этикдўз кетганлиги учун, Фируза ёлғиз қолди.

б) последовательность во времени - Вақте, ки Бақожони мўзадўз рафт, Фирўза танҳо монд – Когда сапожник Бақоджон ушел, Фируза осталась одна // Бақожон этикдўз кетгандан кейин, Фируза ёлғиз қолди;

в) условность – Агар Бақожони мўзадўз намерафт, Фирўза танҳо намомонд – Если бы сапожник Бақоджон не ушел, Фируза не осталась бы одна // Бақожон этикдўз кетмаганда, Фируза ёлғиз қолмасди.

Следует отметить, что в традиционном определении сочинительной связи функция сочинительной связи ограничивается: с ее помощью образуются синтаксические конострукции, компоненты которых являются грамматически равноправными [4, с. 154]. Сочинительная связь близка к координативной связи, которая занимает промежуточное звено между сочинением и подчинением. Сходство сочинительной связи с координацией, образованной при сочинении, и координативной связи предопределяет одна другую, что характерно для компонентов конструкций типа: Анварнинг китоби (книга Анвара), мой друг (менинг дўстим) и для компонентов конструкций типа: «ота ва она» (отец и мать), «Ўқиди ҳамда ёзди» (он читал и писал) [10, с. 7].

Интересную попытку установить отличие сочинения от подчинения сделал проф. А.М. Пешковский. Он считал, что при сочинении отношения между предложениями обратимы, т.е. при перестановке предложений отношения между ними сохраняются прежними. Наоборот, подчинение выражает отношения необратимые, т.е. перестановка предложений приведет к изменению отношений между ними [11, с. 412-413]. Из этой же синтаксической концепции исходит и А.К. Арендс при анализе сложного предложения персидского языка. Так, характеризуя сочинение и подчинение, А.К. Арендс пишет: “...Между сочетающимися

предложениями существуют две основные категории отношения со многими разновидностями, обуславливающими как структуру всего сложного предложения в целом, так и характер отдельных составляющих его законченных словосочетаний. Обе категории отношений легко могут быть обнаружены при помощи известного приема перестановки сочетающихся предложений, в результате чего возможны два случая: либо отношение между сочетающимися предложениями не переменится, либо между ними появится иное, новое отношение» [12, с. 8-9].

Подчинительная связь неодинакова в разных типах предложений, и поэтому способы выражения этой связи и степень слитности частей сложноподчинённых предложений различны.

Следует отметить, что сложное предложение – это объединение двух (или более) простых предложений (или их аналогов) посредством союзов, союзных слов или союзных частиц (в сочетании с определенной интонацией, а часто также и при поддержке лексики) в некое новое синтаксическое образование, части которого вступают друг с другом в определенные синтаксические отношения. В современных синтаксических исследованиях важное место занимают проблемы сложноподчиненного предложения и зависимого предложения в его составе. Интерес к данному вопросу имеет длительную историю. Критерием разграничения сложносочиненного и сложноподчиненного предложений выступает статус придаточного предложения.

Еще Ф.Ф. Фортунатов отмечал, что придаточное предложение отличается от главного прежде всего формально: «Придаточным называется такое предложение, в котором обозначено, что оно образуется не само по себе, но для другого предложения» [13, с. 188].

Подчинительный союз часто является обязательным маркером зависимости придаточного предложения и, как правило, вводит «свое» придаточное. Проблема выделения доминантного значения союза при его многозначности и отнесения его к средствам выражения определенного типа зависимого предложения представляет большую трудность. В узбекском и таджикском языках наиболее продуктивным является союз **-ки**. Союз **-ки** является постоянным элементом структурных схем (моделей конструкций) сложноподчиненного предложения, функционирует в качестве маркера подчинительной связи координативного и субординативного характера.

В большинстве случаев союз **-ки** присоединяется к сказуемому главных частей сложноподчиненного предложения, в отдельных случаях он постпозитивно находится в составе сказуемых и предикативных частей. Например, сложноподчиненное предложение «Мустакиллик шу нарса эканки, ҳеч ким бирон кишига зулм қилолмас экан. (С. Айни) // Истиклолият ҳамин будааст, ки касе ба касе зулм қарда наметовонистааст // Независимость характеризуется тем, что никто не сможет применить друг к другу насилие» образовано по модели Гл.ч.+ки+Пр.ч., где союз **-ки** присоединен к сказуемому главной части, а сложноподчиненное предложение «Шу нарса аниқки, мунтазам фикрларди, фикри аҳволига мувофиқ паришон, нотинч эди. (У.К.) // Маълум буд, мунтазам фикр мекард, афкораш низ муносиби ҳолаш ноором буданд// Было ясно, что он регулярно размышлял, и это было отражено в его состоянии, так как он был спокоен» реализовано по модели Пр.ч.+ки+чгл.ч., в которой союз **-ки** постпозитивно находится в составе сказуемого зависимой от главной части конструкции данного сложного предложения.

Нужно подчеркнуть, что среди разновидностей подчинительной связи своеобразными особенностями отличается так называемая детерминативная связь, которая в отдельных случаях напоминает сочинительную связь.

Детерминативная связь характерна для компонентов синтаксических конструкций типа «Мактабда ўқитувчи» ((он) учитель в школе), «Кўришганимга хурсандман» (Я рад, что мы встретились), «Бошқаларга йўқ» (Другим нет), «Сухбат учун раҳмат» (Спасибо за беседу),

она возникает под давлением коммуникативной нагрузки и общего содержания высказывания. При образовании комплексов однородных и обособленных членов предложения в основном функционирует сочинительная связь, чем и определяется сходство сочинения и детерминативной связи. Кроме того, появление и функционирование однородных и обособленных членов предложения тесно связано с общим содержанием высказывания, а также с коммуникативной целеустановкой предложения [10, с. 8].

Профессор А. Бердиалиев в результате наблюдения утверждает, что с участием союза –**ки** образованы модели довольно многих сложноподчиненных предложений [2, с. 15-16]. Модели с постоянным элементом –**ки**, по которым построены сложноподчиненные предложения узбекского языка, имеют две разновидности: 1) –**ки** является самостоятельным элементом модели (Пр.ч.+ки+гл.ч); 2) –**ки** является сопутствующим элементом модели (гл.ч.+ пр.ч.). Во втором случае в составе модели, кроме союза –**ки**, имеются и союзные слова типа «шундай», «шунақа» - такой, таковой; «чй қадар//қанча», «то чандаза //қанчалик» - сколько; «то кадом андоза» //шу даражада - до такой степени и другие, которые функционируют в качестве постоянных элементов, ими управляется союз –**ки**. Сравните приведенные примеры: Одамон ба кадри имкон худро канор кашада, рохро ба кадре, ки як савор гузошта метовонист, кушоданд (С.Айни)// Одамлар ўзларини имкони борича шу қадар ўзларини ортга тортдиларки, бир отлиқ ўтишга йўл очишди//Люди по возможности отступили назад, чтобы продвинулся один всадник». Функция союза –**ки**, который употребляется самостоятельно и совместно с союзными словами, различна: в первом случае он является маркером слабого управления (пр.ч.+ки+гл.ч), а во втором случае – маркером сильного управления.

Таким образом, заимствование отдельных грамматических элементов одного языка другим является важным фактором развития и обогащения синтаксической системы языков, что подтверждается наблюдениями над процессом взаимовлияния таджикского и узбекского языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные произведения по общему языкознанию. Т.1/И.А. Бодуэн де Куртенэ. – Москва: АН СССР, 1963. – 371 с.
2. Бердиалиев А. Сложноподчиненные предложения с омонимичной моделью в узбекском языке / А. Бердиалиев. – Ташкент: Фан, 1990. – 111 с. (на узбекском языке).
3. Бердиалиев А., Шеронов Б. Синтаксис узбекского языка. Учебник для студентов филологических факультетов вузов / А. Бердиалиев, Б. Шеронов. – Худжанд, 2010. – 232 с. (на узбекском языке).
4. Зикриёев Ф. О сложносочинённом предложении в современном таджикском языке / Коллектив авторов. Забониноси тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1984. – 296 с.
5. Гак В.Г. Сопоставительное изучение языков и лингвистическая типология / В.Г. Гак // Русский язык за рубежом. – 1974. - №3. – 11 с.
6. Джабборова М.Т. Изучение взаимовлияния языков как важнейшая задача современной лингвистики (К постановке современной лингвистики) / М.Т. Джабборова // Вестник РТСУ. – Душанбе, 2005. - №5 (11) – С. 81-115.
7. Исхакова С.М., Валеев Ф.Т. Таджикский компонент в народно-разговорном языке западносибирских татар / С.М. Исхакова, Ф.Т. Валеев // Советская тюркология. – 1978. - №4. – 111 с.
8. Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке / И.Н. Кручинина. – Москва: Наука, 1988. – 101 с.

9. Ниязмухаммедов Б. О взаимоотношениях таджикского и узбекского языков / Б. Ниязмухаммедов // Проблемы двуязычия и многоязычия. – Москва: Наука, 1972. – 427 с.
10. Нишонов Б.М. Сочинительная связь в узбекском языке: конъюнкция и дизъюнкция: автореф. дисс. канд. филол. наук / Б.М. Нишонов. – Худжанд, 2002. – 22 с.
11. Пешковский А.М. Русский язык в научном освещении. Изд. 6 / А.М. Пешковский. – Москва, 1938. – 512 с.
12. Рубинчик Ю.А. Сложные предложения с придаточными определительными в современном персидском языке / Ю.А. Рубинчик. – Москва: Из-во восточной литературы, 1959. – 218 с.
13. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Сб. трудов в 2-х т. Т. 1. / Ф.Ф. Фортунатов. – Москва: Учпедгиз; Акад. наук СССР, 1956. – 241 с.
14. Шведова Н.Ю. Грамматика. Лингвистический энциклопедический словарь / Н.Ю. Шведова. – Москва, 1990. – 685 с.

REFERENCES:

1. Baudouin de Courtenay I.A. Selected works on general linguistics.V.1. – Moscow: USSR Academy of Sciences, 1963. – 371pp.
2. Berdialiev A. Complex Sentences with Homonymous Model in Uzbek Language. – Tashkent: Fan, 1990. – 111 pp. (in Uzbek language).
3. Berdialiev A., Sheronov B. Syntax of the Uzbek Language. Manual for students of philological faculties of universities. - Khujand, 2010. – 232 pp. (in Uzbek language).
4. Zikriyoev F. About a Complex Sentence in Modern Tajik Language // Composite authors. Tajik Linguistics. – Dushanbe: Donish, 1984. – 296 pp.
5. Gak V.G. Comparative Study of Languages and Linguistic Typology. //Russian language abroad. – 1974. - No. 3. – 11 pp.
6. Djaborova M.T. Consideration of Interference of Languages as the Most Important Task of Modern Linguistics. (To the formulation of modern linguistics) / M.T. Djaborova // Bulletin of RTMU. – Donish, 2005.- №5 (11) – PP. 81-115.
7. Iskhakova S.M., Valeev F.T. Tajik Component in Folklore of the West Siberian Tatars // Soviet Turkology. 1978. - No. 4. -111 pp.
8. Kruchnina I.N. Structure and Functions of Coordinating Communication in the Russian Language.– Moscow: Nauka, 1988. – 101 pp.
9. Niyazmuhammadov B. On the Relationship Between the Tajik and Uzbek Languages / Niyazmuhammadov B. // Problems of bilingualism and multilingualism. - Moscow: Nauka, 1972. – 427 pp.
10. Nishonov B.M. Coordinating Connection in the Uzbek Language: conjunction and disjunction: abstract. diss. Ph.D. Philol. Sci. – Khujand, 2002. – 22 pp.
11. Peshkovsky A.M. Russian Language in Scientific Coverage. Ed. 6. – Moscow, 1938. – 512 pp.
12. Rahmon E. The Language of the Nation - The Existence of the Nation. – Dushanbe: Er-graph, 2016. – 516 pp. (in Tajik language).
13. Rubinchik Yu.A. Complex Sentences with Subordinate Clauses Determinatives in Modern Persian. – Moscow: Publishing house Eastern literature, 1959. – 218 pp.
14. Shvedova N.Y. Grammar. Linguistic Encyclopedic Dictionary. - Moscow 1990.-685 pp.